

ГАГАУЗЫ В НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИКА ИВАНА ИВАНОВИЧА МЕЩЕРЮКА

Д-р Иван Грек

В 2009 г. исполнилось 110 лет со дня рождения известного исследователя социально-экономической и переселенческой истории бессарабских болгар и гагаузов. Его работы явились серьезным вкладом в научной разработке указанных аспектов как составной части истории современных государств Украины и Республики Молдова, а также Болгарии. И хотя ученый своими трудами и самим фактом своей биографии принадлежит к советскому периоду истории МССР и УССР, следовательно, он является представителем советской исторической школы, тем не менее, источниковедческая и историографическая фондированность его работ, а также многие выводы, обусловленные этим обстоятельством, а не идеологической заданностью остаются актуальными. В работах И. И. Мещерюка гагаузская тема присутствует еще одним аспектом – этнической историей бессарабских гагаузов, а также этногенезом гагаузов.

Ученый не ставил перед собой задачу исследовать этногенез гагаузов на начальной его стадии. Он затрагивал эту сложнейшую научную проблему лишь постольку, поскольку того требовало освещение бессарабского периода истории гагаузов-переселенцев. То есть, он не занимался специально этногенезом гагаузов, и к нему неэтично применять оценки как к научному специалисту по этой проблеме. Однако некоторые современные исследователи, главным образом историки, этнологи и филологи гагаузского происхождения, критикуют взгляды И. И. Мещерюка за его, якобы, приверженности болгарской гипотезе этногенеза гагаузов, игнорируя, или не зная, что эти его взгляды уже были предметом исследования.

Необъективность по отношению и к трудам ученого, и к его общественной деятельности приводит к тому, что вклад И. И. Мещерюка в исследовании истории бессарабских гагаузов, постановка им проблем национально-культурного развития гагаузов перед высшим партийным руководством СССР либо неправильно трактуются, либо замалчиваются, либо приписываются другим лицам. Так, О. К. Каранастас-Радова пишет: *«Известный молдавский исследователь И. И. Мещерюк в своих трудах, связанных с вопросами задунайских переселенцев, внес значительный вклад в науку. Хотя в вопросе этногенеза гагаузов И. И. Мещерюк ошибался, считая их болгарами, тем не менее, он не мог игнорировать факт существования гагаузов, поэтому одну из работ он назвал «Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX века.»* Несмотря на такое название, гагаузы им рассматривались как единый болгарский народ, а гагаузские селения как болгарские. Рассматривая историю под таким углом, автор обошел молчанием действительную

давность первого массового переселения гагаузов в Бессарабию. **Смешение гагаузов с болгарами и отсутствие четкой точки зрения об их этнической идентичности, как о самостоятельном народе, во многих случаях было связано с трактовкой происхождения гагаузского народа».** (Каранастас-Радова, О. К., 2001, с. 18. Здесь и далее выделено жирным шрифтом нами – И. Г.). В другой работе этот же автор утверждает: «Являясь сторонником болгарского происхождения гагаузов, И. И. Мещерюк не ставил своей целью рассматривать болгар и гагаузов отдельно, наоборот, он их объединял в один народ. **Его ошибочные позиции в вопросах этногенеза гагаузов в дальнейшем отразились и на исследованиях, связанных с переселением болгар и гагаузов...** Многие авторы, особенно болгарские историки, считали гагаузов частью болгарского народа и переселение гагаузов рассматривали только совместно с болгарами. В связи с этим были допущены неточности, а порой и искажение фактов давности переселения гагаузов в Буджак и тем более давности образования тех сел, где в настоящее время они расселены. Часто, рассматривая совместные переселения болгар и гагаузов в Буджак, авторы обращали внимание только на образование болгарских сел и упускали из внимания гагаузов.

Современные исследователи болгарских поселений продолжают придерживаться этой же позиции, хотя архивные источники, полевые материалы, а также изданная литература говорят о другом». (История и культура гагаузов, с. 75 – 76). О. Каранастас-Радова не только преувеличивает роль И. И. Мещерюка в разработке болгарской гипотезы происхождения гагаузов, но и приписывает ему создание целой школы ее последователей из числа этнических болгар.

Общественная деятельность И. И. Мещерюка стала достоянием научных кругов за последние 15 лет, благодаря публикациям автора данной статьи, а также С. Страшнюка, М. Н. Губогло и Н. Н. Червенкова. Здесь мы остановимся на монографии М. Н. Губогло потому, что, во-первых, нас интересуют оценки гагаузских ученых роли И. И. Мещерюка в разработке проблем истории и культуры гагаузов Бессарабии, а во-вторых, она является обобщающим исследованием процесса их этнической мобилизации на советском этапе их истории. (Губогло, М. Н., 2004.). В ней автор использует ряд опубликованных материалов об И. И. Мещерюке и вводит в научный оборот новые ценные архивные источники. Московский историк гагаузской национальности рассматривает истоки зарождения этнической мобилизации гагаузов после Второй мировой войны, показывает разнообразные ее составляющие в их историческом процессе, обусловившие политическое движение гагаузского народа в Республике Молдова, венцом которого стало образование АТО Гагауз-Ери в декабре 1994 г. И. И. Мещерюку автор посвятил 25 страниц (Губогло М. Н., 2004, с. 72 – 96) сплошного текста и возвращается к нему на многих последующих страниц книги. Знакомясь с книгой М. Н. Губогло, читателя впечатляет высокая оценка научного и общественного подвига молдавского ученого с болгарскими корнями в деле

становления и развития этнической мобилизации гагаузов в послевоенный период. Он пишет: «...труды И. И. Мещерюка не только заново открыли самим гагаузам едва ли не целое столетие их истории, но и показали их потенциальные возможности по участию в современной этнополитической жизни страны, т. е. вдохнули энергию в формирование этнической идентичности.

Не будет большим преувеличением сказать, что идеология двух этапов этнической мобилизации гагаузов дискуссионно-кабинетного (1988 – 1989 гг.) и митингово-организационного (1990 – 1994 гг.) в значительной мере подпитывалась идеями и конструктивными предложениями, сформулированными И. И. Мещерюком в его первом письме Н. С. Хрущеву.» (Там же. – С. 74–75).

Несмотря на такую высокую оценку, М. Н. Губогло, к сожалению, упускает из виду научно-общественную деятельность Мещерюка в 1946 – 1948 гг. (Грек И, 1999, 21 – 22), которая фактически поставила гагаузский вопрос во всем его многообразии перед научными и политическими структурами Москвы, Кишинева и Киева. М. Н. Губогло в указанной монографии связывает вынесение этого вопроса на политическую и культурную арену страны с другими лицами и указывает более позднее время. «Летом 1948 года, пишет он, трое студентов-дипломников Московского института востоковедения Р. Фиш, В. Попов и Л. Долганов побывали на филологической практике в Чадыр-Лунгском районе Молдавской ССР». Их «поразила оригинальная культура гагаузов», а также «обнаруженная во время экспедиции близость лексики гагаузского и турецкого языков». Впечатление от увиденного в гагаузских селах побудили этих студентов-практикантов предпринять «весьма рискованный по тем временам шаг». Они обратились «к вождю народов, надеясь, что он вникнет в бедственное положение многострадального народа и не откажет гагаузам в такой малости, как создание письменности на национальном (гагаузском) языке и в разгадке своего загадочного происхождения». (Губогло М. Н., 2004, с. 7 – 8).

В другой своей фундаментальной работе, вышедшей из печати спустя два года, М. Н. Губогло утверждает, что первый период этнической мобилизации гагаузов в СССР «возгорание» начинается с 1948 г. «благодаря инициированным (в связи с указанным письмом студентов Фиша, Попова и Долганова – И. Г.) официозом сверху попыткам создания... письменности 1948–1949 гг.» (Губогло М. Н., 2006, с. 34). Эту мысль автор повторяет здесь неоднократно. (Например, см.: Там же – С. 281).

Момент критической оценки политической инициативы И. И. Мещерюка Михаилом Николаевичем Губогло связан с предложением молдавского историка высшему руководителю Советского Союза о создании Болгаро-Гагаузской Автономной Республики в составе Молдавской ССР, включив в нее и часть территории Одесской области Украины, входившую до 1940 г. в состав Бессарабии. В связи с этим М. Н. Губогло пишет, что «ряд

предложений тактического характера И. И. Мещерюка по воплощению в жизнь» его идеи «были не вполне совместимы с реальной этноязыковой и этнополитической ситуацией. Во многом это объясняется тем, что он был историком, а не юристом и не политологом... Принципиальная ошибка в доктринальном подходе И. И. Мещерюка к созданию Болгаро-Гагаузской Автономной Республики в составе Молдавской ССР все же заключалась не в том, что он наивно надеялся на пересмотр государственной границы между Молдавией и Украиной, не в том, что столицей гагаузов ему виделся г. Болград, хотя сами гагаузы тяготели то к Комрату, то к Чадыр-Лунге... и не в том, что он надеялся на гуманитарную помощь Болгарии и отвергал возможность такой помощи со стороны Турции, а в том, что он недооценивал значение русского языка и двуязычия в интеллектуальной, духовной и социальной жизни гагаузов.» (Губогло М. Н., 2004. – с. 92).

Можно перечислить еще ряд критических замечаний, выдвигаемых и другими авторами в их публикациях в адрес И. И. Мещерюка, но, представляется, что сказанное выше достаточно четко обозначает круг научных и политических аспектов деятельности молдавского историка с болгарскими корнями, не воспринимаемых учеными-гагаузами.

Здесь автор ставит перед собой задачу объективно рассмотреть вызывающие дискуссию указанные выше аспекты научной и общественно-политической деятельности И. И. Мещерюка, учитывая, прежде всего, конкретно-исторические условия, в которых он жил и творил.

Проблема этногенеза гагаузов Бессарабии в публикациях И. И. Мещерюка

Из, примерно, 35 лет научной деятельности 25 – Иван Иванович посвятил изучению истории бессарабских болгар и гагаузов. Эта сторона его научного вклада в разработку данной проблемы подробно рассмотрена в статьях И. А. Анцупова, И. Ф. Грека, Н. Н. Червенкова, М. В. Маруневич, опубликованных в сборнике, посвященном 100-летию со дня рождения ученого. (История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. – К., 1999). Историк опубликовал три монографии, более десятка научных и научно-популярных статей. А в указанном сборнике увидела свет рукопись его работы «Массовое движение в поселениях (1842 – 1844 гг.)». (Там же. – С. 58 – 122). Отсылая читателя к материалам этого сборника, чтобы не повторяться, здесь уделим внимание тому, чем вызваны серьезные обвинения оппонентов в его адрес, вплоть до упреков в фальсификации.

Мещерюку ставят в вину, что он рассматривал переселение гагаузов вместе с переселением болгар и это, якобы, было использовано им, чтобы скрыть факт более раннего переселения гагаузов в Бессарабию и занижить их численность в общей массе выходцев из-за Дуная, поселившихся в Буджаке. Более внимательное прочтение его работ, в том числе и «Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабии в начале XIX века» (Мещерюк И., 1953, с. 65 – 97) не дает оснований для таких утверждений.

Во-первых, во всех своих работах – в их названиях и содержательной части – молдавский историк использует два этнонима, *болгары* и *гагаузы*. Для него, независимо от его позиции по этногенезу гагаузов, абсолютно неприемлемо причислять бессарабских гагаузов к бессарабским болгарам. Притом что во всех архивных источниках, в том числе и относящихся к Д. П. Ватикиоти, а также в работах современников первых переселенцев из-за Дуная П. Свиньина, А. Скальковского, в произведениях А. С. Пушкина употреблен один этноним – *болгары*.

Дмитрий Ватикиоти в своем «Формулярном списке», составленном в 1817 г., по отношению к выходцам из-за Дуная времен русско-турецкой войны 1806 – 1812 гг. использует этноним *болгары*. Сам Ватикиоти, как он пишет, знал русский, греческий, итальянский и турецкий языки. Болгарского языка он не знал. Во всяком случае, он не перечисляет его среди тех, которыми владел. Это означает, что он общался с гагаузами-переселенцами на турецком языке, близком к родному языку гагаузов, но называет их болгарами.

Гений русской словесности А. С. Пушкин, отразил в своем творчестве жизнь первого поколения выходцев из-за Дуная в Бессарабии. Он слышал о них, будучи чиновником Попечительного комитета о колонистах Южного края России, а также встречался с ними в Кишиневе и во время путешествия с И. П. Липранди в места их обитания в Буджаке. А. С. Пушкин писал в своем известном стихотворении: «Семействами болгары тут / В беспечной дикости живут».

И. Толстой, впервые упоминающий о гагаузах в своем «Статистическом обозрении колоний Бессарабской области» в 1837 г. пишет, что «болгары... разделяются: на болгар черных, вышедших из Македонии, на гагауз», то есть он считает гагаузов субъектносом болгар.

Также поступает и П. Кеппен, который, тоже впервые, определил численность бессарабских гагаузов. Он утверждает о том, что бессарабские «болгары» различаются между собой тем, что говорят на двух «наречиях», болгарском и турецком, и владеют тремя письменами – славянской, греческой и валашской.

И. И. Мещерюк, исследовавший этот же период истории выходцев из-за Дуная в Бессарабии, который отразили в своем творчестве указанные выше авторы, отказывается от того, чтобы считать бессарабских гагаузов болгарами. Для него бессарабские гагаузы уже исторический, историографический и этнополитический факт, который не требует от него даже пояснений. Он как истинный ученый не мог поступить иначе. Именно ему и принадлежит утверждение о том, что «этнические особенности гагаузов, бывшие еще заметными в XIX в., постепенно уступают место этнической общности». (Мещерюк И. Гагаузы // Большая Советская Энциклопедия, Т. 9, с. 609).

Во-вторых, И. И. Мещерюк, конечно, не рассматривал переселение гагаузов отдельно от болгар. Но он и не ставил перед собой такую задачу.

Следует подчеркнуть, что проблема эмиграции гагаузов севернее Дуная, в том числе и в Бессарабию, до сих пор остается не исследованной. Отдельные попытки частичного ее освещения предприняли молдавские ученые И. Дрон и Д. Хайдарлы уже после смерти Мещерюка. Первый рассматривал эту проблему в краеведческом плане, освещая историю основания отдельных гагаузских сел. А второй – исследует демографические процессы в Припрутском регионе Молдавского княжества в XVIII в.

Что касается монографии О. К. Каранастас-Радовой «Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке», то она является первой попыткой вычленения гагаузов из общего состава выходцев из-за Дуная в начале XIX в. Попыткой, к сожалению, неудачной. На основе выбранного автором метода («антропологический анализ имен и фамилий жителей селений, перечисленных в списках задунайских переселенцев, составленных в 1817–1818 гг.». Каранастас-Радова О. К., 2001, с. 9) эта проблема не может быть решена, поскольку автор относит к «гагаузским фамилиям» все те, которые имеют тюркское происхождение, следовательно, и их носителей тоже. Этот метод не учитывает тот факт, что многие этнические болгары из состава задунайских переселенцев также были носителями тюркских фамилий, которые обусловлены многовековым турецким господством в Болгарии, отразившемся и на их антропонимических характеристиках. Механическое зачисление всех переселенцев из-за Дуная с тюркскими фамилиями в состав бессарабских гагаузов приводит к завышению их численности. Что касается имен, то в подавляющем числе случаев идентифицировать гагаузов отдельно от болгар, сербов, греков, молдаван, валахов невозможно, поскольку имена у всех у них идентичны.

Другой подход О. К. Каранастас-Радовой в вычленении гагаузов из общей массы выходцев из-за Дуная состоит в том, что для получения искомого результата автор опирается на статистические данные, полученные царскими властями при разделении выходцев из-за Дуная на категории «старые переселенцы», поселившиеся в Бессарабию до 1806 г., и «новые переселенцы», переселившиеся сюда во время русско-турецкой войны 1806–1812 годы. Это нужно автору для того, чтобы обосновать, что основная масса «старых переселенцев» были гагаузами, и они переселились в Буджак раньше болгар. Такой подход также неточен по причине того, что как среди «старых», так и среди «новых» переселенцев были болгары, сербы, другие балканские народы в тюркской антропонимической одежде. Кроме того, есть серьезные основания считать, что значительная часть гагаузов переселялась в Буджак из двухчасовой зоны Пруто-Днестровского междуречья (до Бухарестского договора 1812 г. входила в состав Молдавского княжества) уже после окончания войны и даже после 1819 г.

Вообще, повторимся, эмиграция гагаузов из Добруджи, Северо-Восточного региона Болгарии, Македонии в Дунайские княжества и Буджак, до сих пор специально не исследовалась. Как работа И. И. Мещерюка «Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар в Бессарабии в 1812–1820

гг.», так и последние публикации Д. Хайдарлы свидетельствуют о том, что большинство гагаузов-переселенцев, которые по времени переселения относятся к периоду до 1812 г. первоначально поселялись в Припрутской зоне Молдавского княжества. Среди этих переселенцев с 1816 г. возникло крестьянское по характеру движение за устройство на казенные земли Бессарабии. Оно было стимулировано деятельностью их попечителя Д. П. Ватикиоти и продолжалось почти до следующей русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В Южную Бессарабию одна часть «старых переселенцев» из указанной двухчасовой зоны могла быть учтена как «новые переселенцы», рассчитывая получить 10-летние льготы. Другая часть из них вообще не была учтена, поскольку переселилась на Буджакские степи после 1819 г., в том числе и после переписи задунайских переселенцев в 1821 г., имевшей характер «Ревизской сказки».

Что же касается подселения гагаузов в ногайские поселения Буджака во второй половине XVIII–начале XIX века, до русско-турецкой войны 1806–1812 гг., то оно действительно имело место, но его масштабы также не исследованы. Кроме того, возможность такого совместного проживания православных гагаузов с иноверцами-ногайцами до сих пор объясняется языковой близостью их родных языков, что позволяло им общаться. Но никто из исследователей не задался вопросом, а почему среди подселявшихся не могло быть славяно-болгар, единоверцев-гагаузов, владевших турецким языком, тоже тюркским по своему происхождению?

Необходимо особо подчеркнуть, что этнодемографические процессы среди бессарабских гагаузов имели место на протяжении всего XIX в. и даже XX столетия. Серьезные исследователи не могут не обратить внимание на то, что эти процессы имели несколько качественно отличных друг от друга этапов, в рамках которых шло последовательное развитие и становление бессарабской гагаузской общности.

На первом этапе происходила демографическая концентрация гагаузов в Буджаке, которая, на наш взгляд, завершилась к концу первой трети XIX в.

На втором этапе имела место локальная консолидация гагаузов в рамках Бессарабского болгарского водворения. Она обуславливалась демографическими, социально-экономическими и языковыми особенностями развития сел с гагаузским населением. На этом этапе происходила миграция населения из одного населенного пункта Управления задунайскими переселенцами в другой. Внутренняя миграция на этом этапе отличается от миграции на предыдущем этапе еще и тем, что она могла быть вызвана языковым фактором. Переписи населения задунайских переселенцев 1835 и 1850 гг. зафиксировали миграцию болгар из гагаузских сел в болгарские и наоборот, гагаузов из болгарских сел в гагаузские. Конечно, были и другие причины внутренней миграции населения, в частности, нехватка земельных угодий, но присутствует и языковая.

Третий этап характерен тем, что оставшееся иноязыковое население в селах с подавляющим гагаузским населением переходит на язык общения

гагаузов, хотя еще сохраняет свой родной язык. То есть происходит его языковая ассимиляция гагаузами в условиях, когда сами гагаузы все еще относят себя к болгарам, а свой родной язык называют турецким. Этот этап продолжается до последнего десятилетия XIX в.

Следующий этап характеризуется тем, что происходит вычленение бессарабских гагаузов из числа этнических бессарабских болгар на основе осознания себя гагаузами, разговаривающими на гагаузском языке. По продолжительности этот этап охватил 90-е гг. XIX в. – конец 20-х – начало 30-х гг. XX столетия. Именно на этом этапе произошло становление бессарабской гагаузской общности, хотя с 1918 по 1940 год она испытывала большое этнополитическое давление со стороны Румынии и Турции. (Нягулов Бл. – 2010).

Выделенные нами этапы не означают, что каждый последующий этап развития этногенеза бессарабских гагаузов начинался после того, как завершался предыдущий. Такого в общественных процессах не бывает. Старое всегда существует наравне с новым явлением, но именно новое явление определяет дальнейшую судьбу процесса, хотя без предыдущего – старого – не появилось бы это новое.

Советский период этнической и этнополитической истории гагаузов МССР и УССР исследован и охарактеризован М. Н. Губогло. Таким образом, сказанное дает основание утверждать, что проблема выделения гагаузов-переселенцев из общего числа задунайских переселенцев на начальном этапе их выхода из-за Дуная, как часть проблемы этногенеза бессарабских гагаузов, все еще остается не решенной исторической наукой.

В-третьих, И. И. Мещерюк все же отделяет гагаузов от болгар. Это он делает, когда дифференцирует села с болгарским населением, с гагаузским населением и со смешанным болгарским и гагаузским населением, основанным в Буджаке в первой четверти XIX века. Кроме того, он выделяет гагаузов-переселенцев и в массовой эмиграции 1828–1830 гг. В своей известной монографии об этой эмиграции (Мещерюк И. И. – 1965) он доказывает, что те переселенцы, которые по документам были отнесены к греческой национальности на самом деле – гагаузы. Эту же цель преследует и его утверждение, что при устройстве румелийских переселенцев в Буджаке часть болгар подселялась в уже существовавшие болгарские села, а гагаузы – в гагаузские села. Правда, на наш взгляд, это утверждение Мещерюка не совсем точно, поскольку в гагаузские села подселяли и болгар, которые образовали в них отдельные болгарские махалы. Такие махалы известны были, например, в Конгазе, Татар-Копчаке, Курчи и др. Таким образом, все вышесказанное дает основание утверждать, что И. И. Мещерюк внес весомый вклад в изучении переселенческого движения гагаузов, и его труды являются важным подспорьем в дальнейшем исследовании этой научной проблемы.

Отношение И. И. Мещерюка к проблеме этногенеза гагаузов

Выше мы привели критические взгляды некоторых историков гагаузской национальности по данной проблеме. Отвечая им, приходится

процитировать свою статью 10-летней давности, в которой я рассматриваю этот аспект в работах молдавского историка и которая осталась вне поля зрения тех, кто вновь поднимает дискуссию вокруг позиции И. И. Мещерюка по этногенезу гагаузов. Но прежде хотелось бы вкратце коснуться историографии данного вопроса.

В последние два десятилетия вышло несколько исторических и историографических работ, в которых анализируются взгляды ученых многих европейских стран относительно этногенеза гагаузов. Одна из них – публикация Красимиры Мутафовой в сборнике «Българите в Северното Причерноморие (Мутафова К., 1993, с. 94 – 109. Перед ее текстом ошибочно поставлено заглавие «Творби и хипотези за гагаузите» («Исследования и гипотезы о гагаузах»). В оглавлении сборника статья указана под другим заглавием – «Теории и хипотези за гагаузите». Судя по содержанию статьи, в которой К. Мутафова пользуется понятиями «теория» и «гипотеза», можно считать правильным то название статьи, которое дано в оглавлении.

В статье, автор ссылается на работы болгарских ученых, а также практически всех известных западноевропейских исследователей этногенеза гагаузов. В ней Мутафова анализирует около «20-тина хипотези, изясняващи произхода, етнонима, езика и етническата характеристика на гагаузите». Авторами протоболгарской гипотезы происхождения гагаузов были братья К. и Г. Шкорпилы, чехи по национальности. Ее придерживался Г. Занетов, уроженец бессарабского гагаузского села Конгаз, которому мы обязаны появлением утверждения, что в Северо-Восточной Болгарии жили, цитируем К. Мутафову, «чисти българи-славяни, които, за да запазят християнската си вяра, приемат турския език... Днес, макар и в по-различен вариант, тази теза има нови последователи в българската историческа наука». Г. Занетов, таким образом, выступает создателем новой гипотезы происхождения гагаузов. В их этногенезе, считает он, присутствуют как протоболгарский, так и славяно-болгарский компоненты.

К. Мутафова приводит также несколько гипотез тюркского происхождения гагаузов: от некоего турецкого племени, которое осело в черноморском регионе Северо-Восточной Болгарии и приняло христианство еще до завоевания Болгарии османскими турками; гагаузы – потомки тюркоязычных куманов; гагаузы – потомки узов; гагаузы – тюрки, но неизвестно, какого племени потомки; гагаузы – потомки сельджукских турков. Сторонниками гипотезы тюркского происхождения гагаузов были болгарские ученые Л. Милетич, Г. Баласчев, И. Димитров, П. Ников. П. Мутафчиев, отмечает К. Мутафова, определял этногенез гагаузов, как «произлезли от амалгамата от севернотюркски елементи – узи, печенези, кумани – своеобразен етнически субстрат, съставен от севернотюркски отломъци, сред които през османската епоха е било претопено и многобройното местно българско население». (Мутафова, К., 1993, с. 94 – 99).

И. И. Мещерюк, подчеркивается в статье болгарского историографа, был сторонником славяно-болгарского происхождения гагаузов (фактически он стоит на позиции П. Мутафчиева – И. Г.), в то время как его студент М. Губогло – сторонник той гипотезы их тюркского этногенеза, которую выдвинул болгарский историк Г. Баласчев. М. Губогло, правда, сделал в ней «някои допълнителни уточнения». (Там же, с. 98). Их суть, считает Мутафова, в том, что московский историк рассматривает гагаузов «като самостоятелен етнос със съответен език», они «потомци на номадски тюрки, смесели се с различните етнически групи на балканското население». (Там же, с. 101 – 102). Здесь не место углубляться в том, насколько точно К. Мутафова определила место каждого ученого в разработке той или иной гипотезы происхождения гагаузов, правомочно ли употребленное ею научное понятие «теория» во множественном числе вообще и по отношению к этногенезу гагаузов, в частности. Для нас важно то, что она проанализировала множество гипотез раннего этапа происхождения гагаузов, ни одна из которых, на наш взгляд, не может претендовать на «теорию». Следовательно, оценивать позицию И. И. Мещерюка по этногенезу гагаузов как ошибочную или позицию М. Н. Губогло как единственно верную, или позиции других ученых, придерживающихся других гипотез раннего происхождения гагаузов, как ошибочные или верные можно будет только тогда, когда все исследователи придут к единому мнению по данному аспекту гагаузской проблемы. Следует подчеркнуть, что некоторые современные исследователи этногенеза гагаузов рассматривают гипотезу, которой придерживаются, как доказанную при их участии теорию, и этим опровергающую все другие существующие гипотезы. Так, например, приверженцы тюркского происхождения гагаузов отрицают присутствия в их этногенезе тюрко-болгарского компонента, в то время, как болгарский этнограф В. Матеева, отстаивает протоболгарскую и славяно-болгарскую основу этногенеза гагаузов Добруджи и Северо-Восточной Болгарии, отрицая печенежско (куманы)-огузско-кыпчакскую (половцы) составляющую. При этом сторонники печенежско-огузско-кыпчакской гипотезы избегают анализировать присутствие в гагаузской среде фольклорной, этнографической и идентификационной фактологии, свидетельствующей, по крайней мере, об участии болгаро-тюркского и болгаро-славянского компонентов в этногенезе гагаузов или в их этнической истории. В то время как болгарская оппонентка этой гипотезы отстаивает взгляд на гагаузов как на отуреченных болгар, отказавшихся от родного языка, чтобы сохранить свою православную веру. Но она не ставит перед собой вопрос, почему, когда исчезла угроза их вере после 1878 г., гагаузы Болгарии не отказались **добровольно и осознанно** от языка «тюркче» и не вернулись к материнскому болгарскому языку их предков? Более того, В. Матеева приводит факты, и не только по румынскому периоду истории Северной и Южной Добруджи вплоть до Калиакры, «огагаузивания» болгар, попадающих в гагаузскую среду обитания (Матеева, В., 2006).

Сторонником тюркского происхождения гагаузов выступает Ф. А. Ангели в своей книге об этногенезе гагаузов (Ангели Ф. А., 2007). Автор – филолог по образованию с ученой степенью, гагауз по национальности, родом из села Гайдар, что в Чадыр-Лунгском районе Гагаузии. Свою точку зрения по этногенезу гагаузов он излагает так: *«...гагаузы, как новый тюркский этнос, родились из синтеза трех тюркских родов – печенегов, узов и кыпчаков. Главным, преобладающим элементом были узы»* (Там же, с. 173). Он ничего нового не вносит в известных тюркских гипотезах этногенеза гагаузов. Но для нас интерес представляет приведенные им этнические, исторические, временные и демографические аргументы в пользу этой гипотезы, в которой категорически отвергается присутствие в этногенезе гагаузов тюрко-болгарского компонента. Книга распространена во всех гагаузских селах, она, несомненно, рассчитана на то, чтобы оказать решающее влияние на самосознание носителей этноса. Приведем выдержки из его монографии, которая, как представляется, имеет своей целью покончить со всеми гипотезами происхождения гагаузов, сделав тюркскую гипотезу с указанными им компонентами доказанной и неопровержимой. Эти цитаты являются плодом размышлений, оценок и выводов Ф. А. Ангели, и приводим их, как и положено, в кавычках, сохраняя их идентичность.

«Подчеркнем, что юридическое оформление границ двух сторон означало международное признание возникшего на территории Византии Болгарского независимого государства, первого славянского государства на Балканах, известного как **Первое Болгарское царство (679 – 1018 гг.)**. Через полвека с ним надолго связали свою судьбу откочевавшие на Балканы **печенеги, узы, кыпчаки – главные элементы этногенеза гагаузского народа**» (Там же, с. 171). *«Третий период (867 – 1081 гг.) истории Византии стал началом переломного момента в исторической судьбе таких этносов – предков гагаузов, как печенеги, узы и кыпчаки (половцы)»* (Там же, с. 174). *«Крестовое движение не могло не затронуть интересы Византии, не поставить перед ней задачу защиты собственных владений. Отметим, что в этот же период ей продолжали серьезно угрожать сельджуки, печенеги, узы, половцы (кыпчаки, куманы), болгары»* (Там же). *«Балканы стали первой родиной гагаузского этноса»* (Там же, с. 175). *«Узы, в массовом порядке переправившись (1064 – 1065 гг.) на правый берег Дуная, разбили византийские войска... В опустошенной еще печенегами Болгарии многочисленные толпы узов не находили себе даже достаточного пропитания»* (Там же, с. 180). *«Действительно, после 1064 – 1065 годов почти полвека на узов, обосновавшихся за Дунаем и не имевших контактов с кыпчаками, особое влияние оказывали печенеги и наоборот. Здесь впервые началось взаимовлияние узов, болгар и греков. Это явление исключительно важно. Оно свидетельствует о том, что во второй половине XI века процесс формирования гагаузского этноса шел на основе «узской и печенежской крови» с незначительным привлечением болгарской и греческой крови. Позже узы смешивались и с кыпчаками»* (Там же, с. 181).

«Как отмечалось, битва между печенегами и куманами (половцами, кыпчаками), последовавшая 29 апреля 1091, **имела для печенежских орд роковой исход**. В течение одного дня в устье реки Марица погиб почти целый народ печенегов, насчитывавший сорок лет назад, когда вступал в пределы империи, 800 тысяч человек. Большинство пленных печенегов с детьми и женами были вырезаны византийскими солдатами». (Там же, с. 183). **«В 1122 году, – пишет К. Иречек, – печенеги в последний раз перешли Дунай и были совершенно уничтожены у Веррен во Фракии. В конце этого столетия они совершенно исчезают. Их место занимают куманы (половцы, кыпчаки)»** (Там же). **«С XI века название «кыпчаки» исчезает. Вместо него в византийских и западных источниках стало использоваться слово «куманы»** (Там же, с. 184). Во время первого крестового похода в 1096 – 1099 гг. **«бесчинства западных варваров на себе испытали и тюркские кочевники – печенеги и узы. Пострадали и куманы, которые к тому времени уже стали господствующей силой на Балканах»** (Там же, с. 186). **«Вернемся, однако, к этногенезу гагаузского народа. В конце XII – начале XIII веков он усилился на базе печенегов, узов и кыпчаков**. На предков гагаузов, естественно, продолжали оказывать влияние и болгары, как наиболее многочисленный этнос, среди которого они жили». В Восточной Болгарии **«хозяйничали куманы, печенеги и узы: одни большие, другие меньшие»** (Там же, с. 189). Задачей византийского императора Ивана II Комнина **«было не допустить союза пришельцев с кыпчаками (куманами)**. Весной 1123 года при Вероя (Стара Загора) печенеги были разгромлены византийскими войсками... 1123 год – это не просто год очередной победы одной стороны и проигрыша другой. После поражения печенегов в 1123 году, отмечает болгарский историк В. Н. Златарский, **имя печенегов окончательно исчезло со страниц истории»**. (Там же, с. 189 – 190). **«Печенеги, как и узы, автоматически стали называться куманами, хотя в ту эпоху немало узов и печенегов проживало в Византии. Немало их было на территории Республики Молдова и Руси... Напомним, что в ту эпоху Валахию, Молдову и Трансильванию часто называли Куманией»** (Там же, с. 190).

Относительно периода образования Второго Болгарского царства, конца XII – начало XIII веков, автор пишет, что в Северо-Восточной Болгарии власть византийского императора была номинальной и объясняет это тем, что эти районы **«почти постоянно находились под оккупацией печенегов, узов и куманов»** (Там же, с. 192). Тогда **«в поисках наживы и куска хлеба по опустошенной болгарской земле бродили многочисленные печенежские и куманские банды. Их ряды постоянно пополняло пастушье болгаро-валахское население, скитавшееся со своими стадами в горах»** (Там же, с. 194). В военно-политических событиях того времени в той или иной форме **«были задействованы и проживавшие на территории Болгарии печенеги, узы и кыпчаки – древние потомки современных гагаузов. Все они тогда, как подчеркивалось, назывались «куманами»** (Там же, с. 195). Ф. А. Ангели

утверждает, что и в последней трети XIII века *«на Балканах продолжался этногенез гагаузского этноса не только на основе печенежских, узских, куманских, болгарских и греческих компонентов, но и сельджуцких элементов»*. (Там же, с. 203). А завоевание турками-османами Балканского полуострова *«означало окончательный конец существованию печенегов, узов и куманов, как отдельных этносов... Тем временем в истории медленно, но уверенно укрепляется новая этническая общность – гагаузы, специфический тюркский народ»*. (Там же, с. 213 – 214). И снова: *«Из каких компонентов состоит гагаузский этнос? – Огузских кланов: печенегов и узов (части огузов), а также кыпчаков (половцев, куманов). В гагаузском народе больше всего узского элемента. Затем идут печенеги. В гагаузах меньше всего кыпчакского компонента, о чем свидетельствуют тюркские диалекты, на которых в прошлом говорили печенеги, узы и кыпчаки»* (Там же, с. 215). К этому утверждению автор возвращается буквально через страницу: *«Подчеркнем, что о начале этногенеза гагаузского народа, основными компонентами которого были печенеги, узы (часть огузов) и кыпчаки (половцы, куманы), с научной точки зрения можно вести речь только с IX – X веков. Возможно чуть раньше, но не более»* (Там же, с. 217). И совершенно неожиданно через шесть страниц: *«И, наконец, почему отуречивание части болгар и их «превращение в гагаузов», как отмечалось, произошло в тех регионах Болгарии, где еще с первой половины XI века начали расселяться печенеги, узы и куманы (половцы, кыпчаки), получая на это, как правило, разрешение императоров Византии?»* (Там же, с. 223). И в завершении еще несколько очень важных цитат из этой книги: *«Начиная с конца XIII века, следует учитывать широкие возможности влияния на другие родственные этносы племени кыпчаков (половцев, куманов), как наиболее многочисленного и «задиристого» на Балканском полуострове. После трагедии 1064 – 1065 годов, когда при переправе через Дунай от ятаганов печенегов, страшных болезней и голода погибли сотни тысяч узов, их соплеменники, оставшиеся в живых, вели себя довольно мирно по отношению к болгарам. Этого нельзя сказать о кыпчаках, которые еще в Азии всегда враждовали с огузами. До османского владычества на Балканах они были доминирующей силой тюркских кочевников, а затем при поддержке осман ею все увереннее становились добруджские татары.»* (Там же, с. 231). *«С учетом исторических условий развития и упадка печенегов, узов и кыпчаков... в VIII – XIII веках в гагаузах больше печенежского, чем кыпчакского. Начиная с X века, узы по отношению к печенегам выступали как субъект действия. Они на протяжении десятилетий насильно выталкивали печенегов на запад. Та часть печенегов, которая отказывалась откочевать на Балканы «переваривалась в узском котле»... Узы довольно лояльно относились к остаткам печенегов, которые встречались на их пути к Балканам, хотя до этого они не одно десятилетие вели войны с родом печенегов»* (Там же, с. 236). *«В середине XIV века Добруджа почти полностью была заселена*

печенегами, узами, кыпчаками, татарами и анатолийскими сельджуками. Ни одна внешняя сила не в состоянии была контролировать этот край... **В этих благоприятных условиях в Добрудже было создано фактически независимое Гагаузское государство (1346 – 1417 гг.)»** (Там же, с. 243). «Если все же Гагаузское государство создано еще в начале второй половины XIII века, то оно могло быть создано и управляемо только самими гагаузами. Видный болгарский историк В. Н. Златарски отмечает, что в тот период в Добрудже большинство населения составляли печенеги, узы и куманы. По его данным и данным русских историков прошлого, **в пределы Византии в разное время откочевали 800 тысяч печенегов, 600 тысяч узов, 40 тысяч куманов. Правда, десятки тысяч их были перебиты византийцами, умерли от холода и голода, эпидемий и собственных междоусобиц».** (Там же, с. 254).

На этом закончим цитирование книги Ф. А. Ангели и объясним читателю, почему приведено столько выдержек. Во-первых, чтобы не исказить авторскую мысль неточным субъективным ее изложением. Во-вторых, чтобы предоставить читателю право самому их сопоставить, проанализировать и прийти к собственной оценке позиции автора книги. В-третьих, чтобы читатель имел возможность сопоставить свою собственную оценку с тем, что пишет автор книги и как это комментирует автор данной статьи. И подчеркнем: автор статьи не является специалистом по истории кочевых тюркских племен средних веков, и поэтому не будет ставить под сомнение то, насколько Ф. А. Ангели владеет предметом исследования, документальными и литературными источниками по нему. Заинтересованному читателю порекомендуем обратиться к монографии известного болгарского историка Георгия Атанасова, скрупулезно исследовавшего археологический пласт Добруджи XI – XIV вв. (Атанасов Г. – 2009). Меня интересует только концепция гипотезы тюркского этногенеза гагаузов, которую он отстаивает и как это словесно подано.

В книге Ф. А. Ангели стоит на позиции происхождения гагаузов на основе печенежского, узского (часть огузов) и кыпчакского (половцы, куманы) компонентов. Вместе с тем, как видно из приведенных выдержек, он пишет, что в этногенезе гагаузов присутствует протоболгарская, болгарская, греческая да еще и сельджукская кровь. Тем самым он сам вынужден признать, что в этногенезе гагаузов участвуют и не тюркские народы Балканского полуострова. **А это уже другая гипотеза происхождения гагаузов – смешанная.**

Неувязка получается и в аргументах относительно начальной даты этногенеза гагаузов, указанная на титульной странице книги и в приведенных цитатах. Если автор утверждает, что главным компонентом в гагаузском этносе принадлежит тюркам-узам (часть огузов), то как этногенез гагаузов на Балканах мог происходить в VIII – X веках, если, как он пишет, «узы в массовом порядке» переправились на правый берег Дуная лишь в 1064 – 1065 гг. (с. 180), то есть, во второй половине XI века. Лишь тогда начинает

происходить этническое взаимовлияние между печенегами и узами, но оно было коротким, поскольку в 1091 г. печенеги почти полностью уничтожены кыпчаками и в следующем веке они полностью исчезают (с. 183). Главного компонента предков гагаузов, узов (часть огузов) еще нет на Балканах, а их этногенез уже происходит! Вот какая штука получается, когда хочется удревнить этот процесс, когда самого этнонима еще нет и в помине, а уже есть Гагаузское государство на Балканах. Но это еще не все. На странице 223 своей монографии Ф. А. Ангели пишет, что в Северо-Восточном районе Болгарии *«еще с первой половины XI начали расселяться печенеги, узы и куманы (половцы, кыпчаки)»*. Следовательно, если исходить из того, что пишет автор, до XI века на правом берегу Дуная не было не только узов, но и печенегов, половцев, куманов, кыпчаков. Если это так – мы с автором не спорим, так это было или нет, а анализируем то, что он пишет – тогда выходит, что начальный этап этногенеза гагаузов в VIII – X веках происходил не на Балканах и территория современной Болгарии не является родиной формирования гагаузского этноса. И это не только мое логическое заключение, сделанное на основе сопоставления прочитанного. Сам автор на странице 236 своей монографии утверждает, что еще до переселения на Балканы *«та часть печенегов, которая отказывалась откочевать на Балканы «переваривалась в узском котле»*. На наш взгляд, такое «переваривание» означает насильственную ассимиляцию. Поэтому возникает вопрос, насколько ассимилированные узами печенеги могут рассматриваться в качестве равноправного участника этногенетического процесса происхождения гагаузов. Автор себе такого вопроса не задает, включает «переваривание» печенегов узами в процесс этногенеза гагаузов и тем самым выводит его за пределы Балкан.

Теперь остановимся на развитии гагаузского этноса в рамках Второго Болгарского государства (1185 – 1396 гг.) с позиции концепции автора о его печенежском, узком (часть огузов) и кыпчакском (половцы, куманы) компонентах. Как было сказано выше, печенежский компонент исчезает до образования Второго Болгарского царства или в первое десятилетие его существования. **Печенеги были физически истреблены, лишь незначительная их часть могла раствориться в куманском, узком и болгарском населении Болгарии. То есть, они физически не могли быть вторым после узов (части огузов) компонентом в гагаузском этносе, особенно в последующие два века.** Автор, конечно же, фиксирует этот момент. Но поскольку концепция, которую Ф. А. Ангели для себя принял, крепко держит его, и он не может от нее отказаться, то и вынужден искать выхода из деликатного положения. И находит его в том, что объявляет, что *«печенеги, как и узы, автоматически стали называться куманами»* (с. 190). Вероятно, автор ошибся, когда написал, что узы также приняли на себя добровольно имя куманы. Скорее всего, он имел в виду кыпчаков-половцев. Но независимо от этого, его утверждение об *«автоматическом» пересамоназвании печенегов себя куманами* – это, на мой взгляд, авторская

выдумка. Она им не подтверждена никакими историческими фактами и документами. Во всяком случае, сам автор исключает их из этого симбиоза: на всех страницах своей книги он всегда пишет «куманы (половцы, кыпчаки)» либо «кыпчаки (половцы, куманы)» – и в одном и в другом случае печенеги отсутствуют.

Здесь уместно сказать и о позиции Ф. А. Ангели относительно гагаузского государства на Балканах, которому он присваивает первый порядковый номер (с. 175). Он никак не увязывает появление Добруджанского деспотства с феодальной междоусобицей и распадом Второго Болгарского царства на три части: Тырновская, Видинская и Добруджанская. По утверждению автора, Добруджанское деспотство возникло в 1346 при поддержке Византии и просуществовало до 1417 гг. Истории этого деспотства Ф. А. Ангели посвящает целую главу – 12-ю (с. 243 – 271). Он пренебрегает тем фактом, что сформированного тогда гагаузского этноса еще не было и не было его соответствующей этнической идентичности (во всяком случае, не приводит фактов), и называет его **Гагаузским государством**, отвергая его названия, принятые в болгарской историографии. Не будем оспаривать эту точку зрения гагаузского исследователя, пусть этим займутся специалисты, а обратим внимание читателя, насколько он последовательно ее придерживается. На 9-й странице своей монографии, давая этапы исторического развития тюрков, он пишет: *«Третий период (IX – XII вв.) связан с жизнью огузов, имевших свое государственное образование на берегах Сырдарьи, и кыпчаков (половцев, куманов) – ветви западных тюркитов.»* При этом, его создают те огузы, которые еще не откочевали на Балканы, поскольку «в этот период узы (часть огузов) начинают вытеснять печенегов на Балканы». Эту мысль он повторяет и на 67-й странице книги: *«...создание на берегах Сырдарьи Огузского государства и его падение».* Оставим в сторону вопрос, почему автор и это государство не назвал гагаузским. Нас интересует только следующее. Если, как утверждает он самим названием книги и на многих страницах ее текста (этим автор также проявляет свою непоследовательность), только огузы – потомки гагаузов, **создали первое свое государство на берегах Сырдарьи, – а оно первое, потому что возникло на 4 – 5 веков раньше, – то почему Балканскому огузскому государству он присваивает первый порядковый номер?**

В написанном Ф. А. Ангели относительно того, что узы (часть огузов) – главный компонент в гагаузском этносе на его начальном этапе формирования, видно, что он считает узский этнический элемент на Балканах самым многочисленным. Но это противоречит им же приведенным цифрам, из которых видно, что печенегов было 800 тысяч, узов – 600 тысяч и куманов – 40 тысяч. Может быть, автор подразумевал, что узы сумели лучше сохранить свою численность, но тогда так и надо писать и подкреплять источниками. Но это не так. На странице 231 Ф. А. Ангели пишет: *«Начиная с конца XIII века, следует учитывать широкие возможности влияния на другие родственные этносы племени кыпчаков (половцев, куманов), как*

наиболее многочисленного и «задиристого» на Балканском полуострове». Кыпчаки «еще в Азии всегда враждовали с огузами. До османского владычества на Балканах они были доминирующей силой тюркских кочевников.» Если кыпчаки были, по утверждению автора, доминирующей силой до завоевания Балкан османами, то есть все последующее XIV столетие, то как это «задиристое» племя допустило, чтобы Добруджанское деспотство стало огузским, с которым они враждовали еще до Балкан? Ведь не менее «задиристые» болгары-тюрки хотя и были малочисленнее славян на Балканах, создали здесь свое Болгарское государство, в рамках которого славяне приняли этноним *болгары* и назвали свой славянский язык глоттонимом *болгарский*. А в случае с кыпчаками – все наоборот. В истории все могло быть и всему можно поверить, если приводятся факты, аргументы, доказательства. В книге Ф. А. Ангели все это отсутствует. Таким образом, из сказанного следует, что автор не сумел выстроить и убедительно отстоять концепцию происхождения гагаузского этноса на основе трех этнических компонентов – узского, печенежского и куманского (половецкого, кыпчакского). В его книге прописаны на равных правах огузская гипотеза происхождения гагаузов (смотри название книги и по всему ее тексту), тюркская на основе трех компонентов (позиция автора), и смешанная, в которой кроме тюркских компонентов, включая протоболгарский и сельджукский, присутствуют также греческий и славяно-болгарский компоненты.

Этногенез гагаузов – второстепенный аспект в исследовательском интересе И. И. Мещерюка. Но, как истинный ученый, он относился к его познанию со всей серьезностью и основательностью, не политизируя его. У меня сохранилась рабочая картотека ученого, в которую он вливал карточки с библиографическими сведениями об имеющейся литературе по интересующей его проблеме истории бессарабских болгар и гагаузов. В ней отражена литература, опубликованная до 50-х гг. прошлого столетия. В картотеке, по нашим подсчетам, более 70 названий книг и статей на русском и иностранных языках, в которых содержатся сведения о предках гагаузов, самих гагаузов по таким аспектам, как этногенез, география расселения, этнография. Приведем лишь некоторые из тех, которые почти не встречаются в списках литературных источников, используемых современным поколением исследователей происхождения гагаузов: Бартольд, В. О. О христианстве в домонгольский период // Записки восточного отдела Императорского Русского архивного общества. – 1893 – 1894. (О бессарабских гагаузах, потомках половцев или куманов); Василевский, В. В. Византия и печенеги // Журнал Министерства народного просвещения. – 1872 – № 11 и 12. (В высшей степени важная статья по вопросу о происхождении бессарабских гагаузов, потомков куманов или половцев); Паничков. Гагаузский молитвенник. – Варна, 1875; Голубовский, П. В. Болгары и хазары, военные соседи Руси при Владимире святом // Киевская старина. – Киев, 1888. (Есть отдельное издание или оттиск. Очень важная книга по

вопросу о происхождении бессарабских, румынских (нижнедунайских) и черноморских гагаузов); Славейков, П. Бессарабските и дунавските гагаузи // Читалище. – Константинополь, 1874.

Есть в его картотеке сведения о статьях датского ориенталиста Сума Петра Фридриховича, долгое время жившего в России: «О починаках или печенегях», «О половцах», «О хозарах». Они были опубликованы в «Чтения Императорского Московского общества истории и древностей» в 1840 – 1850 гг. (Все эти статьи имеют отношение к гагаузам. Переведены с датского языка священником русской посольской церкви С. И. Савининым).

Сведения из картотеки приведены в том виде, в каком они записаны И. И. Мещеряком. Примечания в круглых скобках к публикациям принадлежат в большинстве случаев П. Д. Драганову и взяты из его библиографического указателя «Bessarabiana». Кстати, сам Драганов, бессарабский болгарин из Комрата, также интересовался происхождением гагаузов. В картотеке И. И. Мещерюка влита каталожная карточка с его работой «Первоисточники для истории, языка и начатков литературы бессарабских и черноморских гагаузов и их задачи на Балканском полуострове и в Малой Азии» с указанием 1909 г. как год ее издания. Как видно, молдавский историк серьезно изучал имеющуюся литературу о гагаузах и их предтечах, чтобы досконально познать историю бессарабских гагаузов. Многие из них он конспектировал, в частности статью П. Виттека. При этом он обращался не только к библиографическим источникам для выявления литературы по этногенезу гагаузов, но и использовал личные контакты с учеными, в том числе и зарубежными. В частности, о статьях П. Виттека ему сообщил в конце 50-х гг. прошлого столетия М. П. Губогло, известный ученый востоковед, уроженец Чадыр-Лунги.

После сказанного приведу отрывок из своей статьи, изданной в 1999 г.: «Проблематика, исследуемая молдавским болгаристом-гагаузоведом, достаточно обширна. Одна из проблем, на первый взгляд кажущаяся для него второстепенной, затрагивала вопросы этногенеза... Гагаузский аспект в работах И. И. Мещерюка присутствует в разных ипостасях, но, так или иначе, связан с этногенезом, этнонимом «гагауз» и глоттонимом «гагаузский язык». Уже в первой своей газетной публикации «Гагаузий дин Република Молдовеняскэ» («Молдова социалистэ» за 10 апреля 1947 г. – И. Г.) он указывает на то, что «гагаузы – это народ, по сегодняшним данным, вероятно, происхождения тюркского, родственный современным узбекам, каракалпакам. Гагаузы, жившие на протяжении веков под турецкой властью, заимствовали много турецких слов». То есть ученый признает: гагаузы – турки, их язык, несмотря на турецкие заимствования, из тюркской группы языков со своими особенностями.

И вторая его газетная статья, также опубликованная на молдавском языке („Карей провениря гэгэужилор” – Цэранул советик, 18 юние 1947), посвящена вопросу о происхождении гагаузов.

В статье «Гагаузы» в БСЭ И. И. Мещерюк достаточно определенно высказывается о глоттониме, утверждая, что «гагаузы говорят на особом гагаузском языке, который относится к тюркской языковой группе». Здесь он также затрагивает сложную научную проблему этногенеза гагаузов. Говоря о процессе формирования этноса, он, в отличие от предыдущей своей позиции 1947 г., приводит две гипотезы этногенеза гагаузов: огузскую и смешанную. По второй гипотезе «основная масса гагаузов состоит из потомков болгар (славяно-болгар – И. Г.), насильно отуреченных во времена господства султанской Турции на Балканах (14 – 19 вв.), но сохранивших православное вероисповедание; по этой гипотезе, в состав гагаузов вошли незначительные остатки тюркских племен»... В своей первой монографии (Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812 – 1820 гг. – К., 1957 – И. Г.) ученый вновь возвращается к вопросу о происхождении гагаузов. В ней он приводит несколько гипотез их этногенеза (отуреченные болгары, потомки половцев-куманов и других тюркских племен, потомки малоазиатских тюрко-сельджукских племен), в том числе и смешанную, но занимает по отношению к последней гипотезе не отстраненное, как прежде, отношение, а дает понять, что является ее сторонником: «Автор настоящей работы располагает некоторыми основаниями считать основную часть гагаузов отуреченными болгарами, с которыми слилась часть тюркоязычного населения, поселившегося в Добрудже в XIII – XIV вв.». И. И. Мещерюк склонен был считать, что гагаузский этнос на этапе своего раннего формирования состоял из двух этнических компонентов: славяно-болгарского и тюркского. То есть, он, скорее, сторонник смешанной гипотезы происхождения гагаузов, а не болгарской. Необходимо, однако, вновь подчеркнуть, что специально этногенезом гагаузов он не занимался. Исторический материал о судьбе болгарского народа в период пятивекового османского господства на его землях (насильственная ассимиляция и исламизация), несомненно, давал И. И. Мещерюку основание считать, что часть славяно-болгар «спрятались» в гагаузской среде, и это была скрытая форма самозащиты своего православного вероисповедания, объективно оберегающая и их специфику этнического происхождения. Добровольно избранная форма «сознательного отуречивания» («язык переменим, но не веру») не приводила к утере самосознания, забвению своего болгарского происхождения.

Отстаивая присутствие болгар-славян в гагаузском этносе еще на раннем этапе его формирования (ссылаясь при этом на мнение Г. Занетова и Д. Чакира – гагаузов по происхождению, хотя оба считали себя болгарами), И. И. Мещерюк неоднократно подчеркивал, что «окончательные выводы по данному вопросу станут возможны только в результате объединенных усилий историков, этнографов, лингвистов, антропологов и других представителей науки», «затронутый вопрос ждет своего разрешения, которому должны уделить внимание специалисты ряда научных дисциплин» (Грек И. Ф., 1999, с. 23 – 25).

Развернувшаяся дискуссия вокруг позиции И. И. Мещерюка по этногенезу гагаузов, требует от меня комментария к тому, что я писал по этому вопросу 10 лет тому назад. Как видно из сказанного, молдавский ученый считал, что изучение проблемы происхождения гагаузов находится на стадии выдвижения множества гипотез. Ни одна из них, в том числе и та, которой он отдавал предпочтение, не являются достаточно убедительными, чтобы стать общепризнанной теорией. Он чувствовал недостаток имеющегося исторического материала в руках исследователей и считал, что эта проблема может быть решена в том случае, если к ее изучению подключатся ученые других научных направлений. Таким образом, по его мнению, проблема этногенеза гагаузов решается на междисциплинарном уровне ее исследования. Следует подчеркнуть, что к этому мнению И. И. Мещерюка прислушались, ныне эту проблему изучают не только историки и этнографы, но и лингвисты, антропологи, археологи, биохимики. Достигнутые этими научными дисциплинами результаты уже привели к тому, что ряд исследователей этногенеза гагаузов ищет решение этой проблемы на основе преодоления ограниченности всех ранее выдвинутых гипотез, включая болгарскую и тюркскую, и выдвигает идею множественности компонентов этнического присутствия в гагаузском этносе. Эта идея также пока находится на стадии еще одной гипотезы, но именно она имеет все шансы стать общепризнанной теорией происхождения гагаузов.

Приведенный выше текст из моей статьи 10-летней давности дает основание говорить о том, что И. И. Мещерюк на протяжении 25 лет изучения истории и культуры бессарабских болгар и гагаузов находился в поиске ответа на вопрос о происхождении гагаузов. И на различных этапах своей научной деятельности, изучая его на основе имеющейся литературы, он по-разному его трактовал: в 40-х гг. он разделял тюркскую гипотезу происхождения гагаузов (кстати, именно он **последовательно** говорил об отдельном гагаузском языке в составе тюркской группы языков), позже – смешанную, но считал славяно-болгар главным компонентом их этногенеза. То есть Мещерюк искал ответа, но не найдя его, предложил единственно верный путь, по которому необходимо идти, чтобы установить истину. Таким образом, его эволюция от тюркской к смешанной болгаро-тюркской гипотезе происхождения гагаузов не завершилась его убеждением, что она – единственно верная, а потому он и не мог быть основателем кишиневской школы историков, разделяющих его точку зрения. По крайней мере, я не знаю ни одного историка из этой школы. Д. Гургуров, в отличие от И. И. Мещерюка, является сторонником болгарской теории происхождения гагаузов, и поэтому не является его последователем.

Наконец, чутье историка, подсказало И. И. Мещерюку, что этногенез гагаузов, кроме периода первоначального становления на Балканах, имел успешное продолжение в XIX – XX вв. только в условиях Бессарабии, входившей в состав России / Советского Союза. Именно к этим гагаузам относится его утверждение о формирующейся здесь «этнической общности»

гагаузов и об «особом гагаузском языке», который утвердился в их бессарабской среде. Таким образом, этническая идентичность российских / советских гагаузов обуславливалась их этнонимом и глоттонимом. Им недоставало письменного гагаузского языка, за которую И. И. Мещерюк стал бороться, как будет рассмотрено ниже, с 1946 г., и которая за неполных столетия дважды сменила свою графику – с русской на латинскую. Конечно, о гагаузском языке говорил еще М. Чекир в начале прошлого столетия, но он тогда достраивал этническую идентичность бессарабских гагаузов. Для него письменность гагаузского языка в зависимости от политических процессов в Пруто-Днестровском междуречье существовала как на основе русского алфавита, так затем и румынского. По существу гагаузский священник-просветитель не ставил вопрос о собственном алфавите и графике гагаузского языка. Для этого при жизни М. Чекира еще не было объективных предпосылок. Таковые возникают в середине 50-х гг. XX столетия, и И. И. Мещерюк способствовал их публичному проявлению. У нас есть основание утверждать, что он внес особый вклад в исследовании истории бессарабских гагаузов, включая и аспекты их этнического развития в Буджаке. (Грек И. Ф., 2010, с. 224 – 229). Как и всякого другого ученого, И. И. Мещерюка надо оценивать по тому, что он внес нового в историческую науку о бессарабских гагаузах, а не по тому, что им не сделано.

И. И. Мещерюк и современные этнокультурные и этнополитические процессы среди гагаузов Республики Молдова

Выше мы упоминали о том, что этот аспект научно-общественной деятельности И. И. Мещерюка освещали в своих работах И. Ф. Грек, С. Страшнюк, Н. Н. Червенков и М. Н. Губогло. Однако в оценках вклада молдавского историка в разработке современных этнокультурных и этнополитических проблем гагаузов московским ученым-этнологом есть дискуссионные моменты. Здесь попытаемся обосновать свою позицию более основательно, чем мы это сделали в статье, опубликованной еще в 1999 г. Но вначале приведем из нее отрывок: *«Первоначально И. И. Мещерюк вышел на практические проблемы национально-культурного развития гагаузского населения Молдовы и Украины в послевоенное время. В личном архиве ученого, бережно сохраненном его дочерью Галиной Ивановной и любезно предоставленном ею автору данной статьи, сохранилась интересная переписка, частично освещающая зарождение в СССР научного и общественного интереса к гагаузам и роль в этом Мещерюка.»*

16 сентября 1946 года старший научный референт вице-президента АН СССР В. П. Волгина В. В. Альтман пишет И. И. Мещерюку письмо, являющееся официальным ответом на его письмо от 16 августа того же года. В нем говорится: *«По поручению вице-президента Академии наук СССР академика В. П. Волгина сообщаю по поднятому Вами вопросу об организации гагаузоведения следующее. Получив докладную записку (в личном архиве ученого не обнаружена – И. Г.) с заключением члена-корреспондента*

АН СССР Н. К. Дмитриева, академик В. П. Волгин в своей резолюции указал: «Считаю необходимым организовать изучение гагаузов в Молдавской базе, выделив на это дело – на первых порах – хотя бы одну штатную единицу.» Одновременно акад. В. П. Волгин поручил ученому секретарю Отделения литературы и языка составить конкретный проект предложения по данному вопросу». Менее чем через месяц, 8 октября 1946 г., сам В. П. Волгин как директор Молдавской базы АН СССР пишет ученому секретарю этой базы Л. С. Мацюку: «Придавая большое значение изучению этнографии, фольклора, истории и языка гагаузов, Бюро Отделения литературы и языка АН СССР организовало особую комиссию в составе следующих специалистов: чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева, кандидата исторических наук С. Б. Бернштейна и кандидата исторических наук И. И. Мещерюка. Секретарем комиссии предполагается привлечь ст. преподавателя филологического факультета МГУ В. П. Арабаджи.

Комиссия считает необходимым участие в работе Молдавской базы АН. В виду изложенного, прошу Вас принять меры к тому, чтобы Институт истории, языка и литературы включил в план своих работ вопросы гагаузоведения. Для обеспечения выполнения этих работ необходимо выделить одну штатную единицу ст. научного сотрудника, переключив на эту работу т. Мещерюка, и предусмотреть в смете Института соответствующие средства на аккордную оплату секретаря комиссии и на проведение экспедиционных работ.» Деловой тон и научно-организационный характер переписки продолжает письмо В. П. Волгина к И. И. Мещерюку от 30. 12. 1946 г. за № 31 – 502: «Уважаемый т. Мещерюк! Придавая большое значение изучению вопросов гагаузоведения, я предложил включить их в план работы Института истории, языка и литературы на 1947 г. Ученому секретарю базы, как Вы знаете, дано указание о выделении одной штатной единицы для работника по вопросам гагаузоведения. Эта директива будет повторена после утверждения штатного расписания Молдавской базы. Работу эту необходимо серьезно поставить, начиная с 1947 г.»

Последнее письмо, сохранившееся среди других биографических документов у его дочери, датировано 2. 06. 1947 г. Ученый секретарь Отделения литературы и языка АН СССР профессор Н. Ф. Бельчиков извещает Московское отделение Института языка и мышления им. Н. Я. Мара АН СССР (копия – Н. К. Дмитриеву, С. Б. Бернштейну и И. И. Мещерюку): «Бюро Отделения литературы и языка АН СССР сообщает Вам, что мероприятия, предложенные по организации изучения этнографии, фольклора, истории и языка гагаузов, утверждены вице-президентом АН СССР В. П. Волгиным и Молдавской базе предложено выделить одну штатную единицу для И. И. Мещерюка.» Далее в письме сообщается об утверждении состава комиссии по гагаузоведению, которая «должна приступить к работе» (Грек И. Ф., 1999, с. 21–22).

Из этой переписки видно, что указанные документы, а также и другие по вопросу, поднятому И. И. Мещерюком перед руководством АН СССР,

должны были бы сохраниться в архиве РАН как правопреемницы АН СССР и в архиве АН РМ как правопреемницы АН МССР. Нам еще многое неизвестно, поскольку не все архивные документы выявлены и введены в научный оборот. Но и то, что уже стало достоянием научной общественности, наглядно свидетельствует о том, что именно И. И. Мещерюк был инициатором создания научного направления *гагаузоведение* в рамках академических учреждений АН СССР и ее Молдавской базы. Оно включало изучение этнографии, фольклора, истории и языка гагаузов. И именно эти научные отрасли были предметом научного исследования в рамках АН МССР и АН РМ с 1947 г.

Из переписки видно, что предусматривалось организовывать научные экспедиции по изучению различных аспектов гагаузоведения. На наш взгляд, организатором экспедиции в составе трех дипломантов Московского института востоковедения в гагаузские села юга Молдавии, о которой пишет М. Н. Губогло была научная комиссия по изучению вопросов гагаузоведения, в которую входили И. И. Мещерюк, преподаватель-филолог МГУ гагауз В. П. Арабаджи и известный исследователь говоров болгарских переселенцев в СССР С. Б. Бернштейн. Возглавлялась комиссия видным тюркологом Н. К. Дмитриевым, которому хорошо была известна гагаузская проблематика. И кто знает, не была ли подсказана этим молодым ребятам идея о написании письма И. В. Сталину кем-либо из членов комиссии?

Не умоляя роли Р. Фиша, В. Попова и Л. Долганова в том, что они сделали, необходимо все же сказать, что гагаузское «возгорание» произошло не в 1948 г., как утверждает М. Н. Губогло, а в 1946 г. – от зажженной И. И. Мещерюком этнической спички гагаузской идентичности. Тот факт, что в начале национально-культурного и политического процессов гагаузской идентичности стояли люди иноэтнического происхождения дает основание, как нам представляется, говорить о своеобразии и специфике этнической мобилизации гагаузов в Республике Молдова на этапе их «возгорания», поскольку оно предполагает этническое самовозгорание как первичный компонент их этнической мобилизации. Скорее всего, правильное было бы говорить о привнесении извне этнического огня, который попал на благодатную гагаузскую почву. И. И. Мещерюк, наряду с Н. К. Дмитриевым, С. Б. Бернштейном, В. П. Волгиным, студентами-дипломантами, был у истоков гагаузской этномобилизации – и это факт. В свое время роль *вычленителей* гагаузов из болгарской среды исполнили В. И. Григорович и В. А. Мошков, особенно последний. Вклад ученых негагаузского происхождения в изучении этногенеза гагаузов, в инкорпорации в их бессарабскую среду этнического самосознания, на основе которого впоследствии произошла их этническая мобилизация, не должен ставиться под сомнение. В том, что объективный процесс был именно таковым, ничего обидного для гагаузов нет. Вспомним роль карпато-русина Ю. И. Венелина в Возрождении болгарского народа! Конечно, у гагаузов был М. М. Чекир, но все же его значение – в этническом просвещении бессарабских гагаузов, без

которого, естественно, не могла произойти их этническая мобилизация. К середине 40-х гг. прошлого столетия бессарабская гагаузская общность окончательно сформировалась, и она объективно готова была к самовозгоранию. Но, к сожалению, у нее не было еще своей этнической интеллигенции, своих воспламенителей, сгоревших в ассимиляционной топке 1918–1940 гг. М. Чекира уже не было в живых, а плеяда гагаузской интеллигенции советского образца сформировалась лишь 60–70-е гг. XX в.

Дискуссию вызывает и тонко сформулированная М. Н. Губогло критика доктринального подхода И. И. Мещерюка к созданию Гагаузско – Болгарской Автономной Республики в составе Молдавской ССР с возвратом ей части бывшей Бессарабии из УССР. Наивность молдавского ученого в пересмотре административной границы между МССР и УССР, его идея о г. Болграде, как единственно возможной столице будущей автономии, его иллюзорные надежды на гуманитарную помощь со стороны Болгарии при отвержении им таковой со стороны Турции поданы Михаилом Николаевичем как малозначащие на фоне самой главной его ошибки – недооценки «значения русского языка и двуязычия в интеллектуальной, духовной и социальной жизни гагаузов». Тонкость заключается в том, что критика И. И. Мещерюка, сторонника административно-территориальной автономии для болгар и гагаузов ведется с позиции политических реалий конца XX столетия, а именно: образования АТО Гагауз-Ери, имеющая все признаки гагаузской национально-территориальной автономии. Роль М. Н. Губогло в этом несомненна.

Московский ученый не объясняет, почему нельзя было пересмотреть границы между УССР и МССР? Можно же было в 1954 г., всего тремя годами раньше времени написания И. И. Мещерюком первого письма первому секретарю ЦК КПСС, Н. С. Хрущеву передать Крым Украине! Авторитарная система власти в СССР могла сделать все, что угодно. Предлагая Гагаузско-Болгарскую автономию молдавский ученый учитывал исторический опыт фактически такой автономии, в роли которой выступало Управление задунайских переселенцев до 1857 г. и Попечительство ими до 1871 г., и неоднократно озвучиваемую до Мещерюка идею создания Буджакской республики в Южную Бессарабию. Как известно, Управление задунайских переселенцев было выведено из подчинения генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской области и Бессарабского военного губернатора и посредством Попечительного Комитета о колонистах Южного края России находилось в подчинении Министерства внутренних дел с момента его создания, а с 1837 г. – Министерства государственных имуществ. М. Н. Губогло против Гагаузско-Болгарской автономии, поскольку он убежден, что реализация данного проекта И. И. Мещерюка не способствовало бы развитию гагаузской этнической и политической идентичности. Он, как идеолог создания гагаузского национально-территориального образования в конце 80-х – первой половине 90-х гг. прошлого столетия, критикует проект Мещерюка с этой исторической

высоты, а не политических реалий середины 50-х гг. Но середину 50-х гг., когда вызревала идея Мещерюка, и середину 90-х гг. XX столетия, когда возникла Гагаузия, отдалают не только 40-летний период истории, но фундаментальные мировоззренческие, геополитические, социально-экономические и политические трансформации всего Советского и Восточно-Европейского пространства. И если идея И. И. Мещерюка не была воспринята болгарами и гагаузами в 1989–1994 гг., то это не означает, что она вообще ошибочна и не имеет право на существование. Множество экономических, политических и геополитических вызовов, стоящих перед Молдавским политическим проектом угрожают этнической и культурной идентичности как болгар, так и гагаузов Молдовы. И проблема единства действий болгар и гагаузов не снята с их повестки дня.

М. Н. Губогло критикует И. И. Мещерюка за то, что он не предусматривал возможность оказания гуманитарной помощи гагаузам со стороны Турции. А разве в 50-е гг. XX века об этом могла идти речь в среде гагаузов Советского Союза, если даже теперь такая помощь встречает неоднозначную реакцию в гагаузском народе Молдовы?

Как представляется, М. Н. Губогло не разобрался в вопросе отношения И. И. Мещерюка к русскому языку и его роли в жизни гагаузов Советского Союза, якобы он был противником двуязычия гагаузов – и вновь только гагаузов! Его критика ведется с позиции уже реализованного русско-гагаузского двуязычия, которое стало реальностью в последней четверти прошлого столетия. Но в то время, когда И. И. Мещерюк писал письмо руководителю Советского Союза, русским языком владела, и то слабо, гагаузская молодежь, окончившая русскую школу после 1944 г. Тогда как для среднего поколения гагаузов было характерно знание родного и румынского языков, а для старшего – знание родного, русского и румынского языков.

Отсутствие историко-сравнительного анализа позиции в самой критике приводит ее автора к ошибочности в оценке позиции И. И. Мещерюка по его отношению к русскому языку приводит критика к ошибочности оценки самой позиции критикуемого. М. Н. Губогло пишет: *«Ни в одном из первых двух писем на имя Н. С. Хрущева не заостряется внимание на том, что неотъемлемой составной частью концепции по образованию Гагаузско-Болгарской Автономной Республики мог бы выступать русский язык, как язык социального прогресса гагаузов и их этнической мобилизации.»* (Губогло, М. Н., 2004, с. 93). Мы не располагаем текстом первого письма И. И. Мещерюка к Н. С. Хрущеву от 22 октября 1957 г. поэтому процитируем его второе письмо, написанное 3 декабря следующего года, относительно русского языка: *«Положение изменилось в лучшую сторону с установлением в Бессарабии Советской власти, когда болгарское население могло обучать своих детей на языке братского русского народа.»* (Грек И., 1995, с. 436). Как видим, автор письма весьма положительно оценивает перевод обучения на русский язык в школах с болгарским контингентом учащихся в УССР и МССР. Почему же здесь нет ничего о русском языке для гагаузов?

И. И. Мещерюк говорит только о болгарях в связи с тем, что в Молдавии «проявили внимание к затронутым (в письме 1957 г. – И. Г.) вопросам и осуществили ряд мер в интересах гагаузского народа. Появилась письменность, издается двухнедельный листок-приложение к газете «Молдова социалистэ», с осени 1958 г. началось обучение гагаузских детей на родном языке. Скоро увидит свет сборник произведений гагаузского народного творчества и стихов начинающих поэтов «Буджакские голоса». (Там же, с. 434–435). То есть, И. И. Мещерюк вообще не затрагивает вопрос о русском языке обучения в школах с гагаузским языком обучения, поскольку в Молдавии они уже переведены на родной язык обучения. Логика подсказывает, что М. Н. Губогло должен был бы критически отнестись к этому решению партийных и советских органов Москвы и Кишинева, поскольку оно исключало русский язык из общественной жизни гагаузов Молдовы или ограничивало его влияние на них.

Процитируем теперь письмо И. И. Мещерюка Н. С. Хрущеву от 22 февраля 1959 г. и проанализируем его, но предварительно укажем, что в нем остро критикуются партийные и советские органы Украины, которые отказываются содействовать национально-культурному развитию болгар и гагаузов в республике, в том числе и введению обучения на родных их языках. В связи с этим он пишет: *«Не ясно ли, что ныне в Советской Украине следовало вместе с возрождением лучших традиций болгар в области просвещения и в духе требований, предъявляемых современной советской школой, заодно позаботиться и об оказании помощи гагаузскому меньшинству создать свою письменность и школы, как это сделал русский народ для малочисленных народностей, не имевших при царизме своей письменности. Это тем более необходимо, что болгары и гагаузы показали себя с установлением Советской власти с самой лучшей стороны... Совершенно непонятно, почему тов. Федосеев (первый секретарь Одесского обкома Компартии Украины – И. Г.) считает, что «улучшение всей массово-политической работы на селе, как он пишет, по линии вовлечения болгар и гагаузов в общественную жизнь на селе» следует вести не на родном языке? Ведь это находится в полном противоречии с требованием ленинской национальной политики. Не является ли это проявлением шовинизма в отношении национальных меньшинств?... Неприемлемость соображения тов. Федосеева о массово-политической работе станет очевидной, если бы их применить к украинскому населению как к национальному меньшинству в придунайских районах Одесской области. Для этого населения русский язык несомненно ближе, чем для болгарского и особенно для гагаузского населения. Последнее говорит не на славянском, а на тюркском языке». И только после этого следует тот сюжет из его письма, который частично приводит в своей книге и М. Н. Губогло: «Преподавание на родных языках в первых четырех классах при постепенном увеличении количества часов преподаванию на русском языке к четвертому классу облегчило бы переход к преподаванию только на русском языке в старших классах средней школы, в*

которых родной язык преподавался бы только как предмет. Такой подход к обучению в школе не только не отдалил бы, а наоборот, чрезвычайно сблизил бы болгар и гагаузов со всеми братскими народами Советского Союза, так как эти народы, в том числе и украинский, будут обучать в школах своих детей и русскому языку, являющемуся наилучшим средством связи в нашей стране. Это позволило бы легче и при сокращенных расходах, в связи с открывающейся возможностью ликвидировать наблюдающееся ныне второгодничество и многогодничество болгарских и гагаузских учащихся... Отказ же от работы на родном языке привел бы к тому, что и в дальнейшем ученики, окончившие школу, будут слабо подготовленными к практической деятельности как раз тогда, когда перед всеми народами нашей Родины стоят задачи грандиозные по строительству коммунистического общества.» И завершающая мысль И. И. Мещерюка, вытекающая из общего контекста этого и предыдущего его писем: *«Мне кажется, что решение вопросов, изложенных в моих письмах, будет легче всего решить в результате образования особого административного округа для болгар и гагаузов в составе Молдавской ССР. Работники такого округа не считали бы для себя обузой заниматься вопросами, имеющими большое значение для этих национальных меньшинств»* (Грек И., 1995, с. 441 – 443). Из этого, на наш взгляд, следует, что автор не опускает планку отдельного территориального устройства болгар и гагаузов, а предлагает партийному руководителю Советского Союза различные его модели. Любая из них, в случае претворения в жизнь, была бы для этих народов лучше, чем ничего.

Такой стиль и такое содержание этого письма были продиктованы конкретно-историческими обстоятельствами того времени. Только что в гагаузских селах МССР ввели обучение на родном языке и этим объясняется то обстоятельство, что Мещерюк говорит лишь об обучении болгарских учащихся на родном языке. Он призывает партийную и советскую номенклатуру Киева и Одессы сделать по отношению к болгарам и гагаузам Украины то же самое, что осуществил Кишинев для гагаузов Молдавии.

Обоснование необходимости обучения гагаузов и болгар на родных языках ведется И. И. Мещерюком не с позиции недооценки роли и значения русского языка. Он опирается на собственный педагогический опыт работы в Болгарском педагогическом техникуме в г. Одессе в 1932–1933 гг., а также на опыт функционирования школы с родным языком обучения в болгарских национальных районах УССР в 20–30-х гг. прошлого столетия, с которой он был знаком не понаслышке. Этот опыт, а также не подвергающаяся сомнению педагогическая система изучения неродного языка на основе владения родным языком и при помощи родного языка давали молдавскому историку основание предлагать именно такой подход в изучении русского языка гагаузскими и болгарскими учащимися в Молдавии и на Украине. При этом он не предлагает что-то такое, что отсутствовало в советской системе образования в школах с не русским контингентом учащихся, и это очень

важно для понимания настойчивости и наступательности позиции молдавского ученого.

Критикует М. Н. Губогло И. И. Мещерюка также за то, что он, чтобы доказать приверженность болгар и гагаузов Советской власти и потому заслуживающих автономного образования и обучения на родном языке, прибегнул к «фальсификации» картины «насильственно проводимой сплошной коллективизации в местах проживания гагаузов и болгар», сопровождаемой «массовым выселением крестьян в Сибирь». (Губогло М. Н., 2004, с. 89, 90). При всем уважении к Михаилу Николаевичу и искреннем сострадании к нему и его семье, которая также была репрессирована в 1949 г., не думаю, что ему стоило обосновывать свою критику еще и таким образом. Скажем прямо, лучшего способа загубить вынашиваемые Мещерюком идеи Гагаузско-Болгарской автономии и национально-культурного развития болгар и гагаузов Молдавии и Украины, как обосновывать их необходимость той несправедливостью, которая была допущена Советской властью по отношению к ним, трудно себе представить. Ведь И. И. Мещерюк воспринимал Н. С. Хрущева не только как политика, развенчавшего культ личности Сталина и впервые приоткрывшего завесу над репрессиями, которые были осуществлены в годы его диктаторского режима, но и как деятеля, непосредственно ответственного за тяжелые последствия того периода в истории СССР и в жизни советских людей. Кроме того, Хрущев как первый секретарь ЦК КП(б)У непосредственно ответственен за раздел Южной Бессарабии в 1940 г. между МССР и УССР.

Все вышесказанное в защиту И. И. Мещерюка не означает, что в его письмах нет предмета для критики. Как мне представляется, вся история реализации в СССР национальной политики Коммунистической партией объективно была направлена на нивелирование национальных различий в многонациональном государстве путем постепенной утраты ее народами, народностями и этническими группами, не имеющими союзных республик в его составе, своей языковой и культурной специфики. Молдавский историк, и не только он, не понимал, что между провозглашением национальной политики и ее практической реализацией существовала дистанция огромного размера. В связи с этим идея Гагаузско-Болгарской Автономной Республики не имела шанса на реализацию. Видимо, у И. И. Мещерюка к моменту написания им второго и третьего писем Н. С. Хрущеву возникли сомнения на этот счет, тем более, после ее непринятия партийной номенклатурой Украины и Молдавии. Этим можно объяснить, что он в них подсказывает и другие варианты автономии в форме национальной области или национального округа.

С высоты сегодняшнего дня можно было бы упрекнуть И. И. Мещерюка и в том, что он в своих письмах не поставил вопрос об изучении болгарскими и гагаузами Молдавии и Украины украинского и молдавского языков. Проблема владения ими языками союзных республик, именами которых они

названы, возникла в послевоенный период, и в этом повинно не только партийное и советское руководство Москвы, но и Кишинева и Киева.

Прочитывая и осмысливая все то, что написал М. Н. Губогло в своей книге «Русский язык в этнополитической истории гагаузов», меня не покидает ощущение того, что автор попытался втиснуть рассматриваемую им проблему этнической мобилизации гагаузов Молдовы в некие жесткие и заранее установленные им хронологические рамки. Но не источники и не имеющаяся литература, а исторические времена и события более существенного порядка этнического, этнокультурного и этнополитического характера на рубеже двух тысячелетий оказывали весомое влияние на позицию Михаила Николаевича по проблеме гагаузской идентичности. Это же утверждение, на наш взгляд, лежит в основу деятельности И. И. Мещерюка по гагаузской проблеме в 1946–1947 гг., о которой, видимо, М. Н. Губогло не знал. Именно его, Мещерюка, инициатива имела решающее значение в постановке тогда гагаузской проблемы перед научной элитой академических учреждений Москвы, которая затем была поднята и перед политическим и государственным руководством Советского Союза и Молдавии. Поэтому, переносить время этнического возгорания гагаузов на 1948 г., связывая его с письмом И. В. Сталину трех студентов-дипломантов, ничем не проявивших себя в изучении гагаузской проблематики, не корректно. Тем более, что М. Н. Губогло вводит в научный оборот интересные документы, рассказывающие о том, как молдавская политическая элита занималась «гагаузским вопросом» задолго до появления московских студентов-дипломантов в Молдавию.

Летом 1946 года, пишет М. Н. Губогло, «в селах, населенных гагаузами и болгарями... работала специальная бригада по поручению ЦК КП (б) Молдавии». (Губогло М. Н., 2004, с. 13). В составленной и отправленной ею 9 сентября 1946 г. секретарю ЦК КП (б) Молдавии Н. Г. Ковалю Докладной записке «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и культурно-просветительской работы среди гагаузского и болгарского населения Молдавской ССР» по отношению к гагаузам предлагалось (приводим цитату из книги М. Н. Губогло): «...во-первых, *«при Молдавской базе Академии наук СССР создать секцию гагаузоведения, или же при секции этнографии создать отдел гагаузоведения»*, во-вторых, *«обязать Комитет по делам культпросветучреждений при Совете Министров МССР собрать и записать гагаузский фольклор, а лучшие образцы народного творчества опубликовать в газетах и брошюрах, обеспечив квалифицированный перевод»*, в-третьих, *«в районах с большинством гагаузского населения организовать радиопередачи на гагаузском языке»*, в четвертых, организовать подготовку и переподготовку работников клубов гагаузских и болгарских сел для усиления политико-просветительской работы, в-пятых, библиотеки гагаузских сел пополнить общественно-политической и художественной литературой на русском и молдавском языках, и, наконец, в-шестых, *«после создания гагаузского литературного языка в уездной*

(областной) газете организовать сменные полосы на гагаузском языке» (Губогло М. Н., 2004, с. 14 – 15).

А теперь сопоставим даты и факты. Первое письмо И. И. Мещерюка в АН СССР было отправлено 16 августа 1946 г., а Докладная записка Н. Г. Ковалю датирована 9 сентября того же года. И в письме Мещерюка и в указанной Докладной записке речь идет о создании специальной научной структуры в рамках Молдавской базы АН СССР по изучению истории, языка, этнографии гагаузов в Молдавии. У нас пока нет документального подтверждения о контактах указанной бригады с молдавским ученым, но косвенные данные дают основание предполагать, что они имели место.

Справедливая и объективная критика московским ученым-гагаузом политики партийного и советского руководства СССР и его республиканских партийных и советских органов Молдавии и Украины по отношению к болгарскому и гагаузскому населению в первые послевоенные годы после второй мировой войны не может быть отнесена и к оценке научно-общественной деятельности И. И. Мещерюка.

М. Н. Губогло справедливо считает, что партийная и советская политика послевоенного времени в СССР «имела крайне противоречивый характер и преследовала едва ли не взаимоисключающие цели». Это была *«разрушительная политика в отношении собственнической (коллективизация) и религиозной (атеизация) идентичности гагаузов»*, которая *«сопровождалась фактической или мнимой рационально-манифестационной политикой насаждения соответственно гражданской (советизация, как лояльность политическому режиму и коммунистической идеологии) и/или этнической идентичностей»*. Но если глубоко вдуматься, то в приведенном выводе автора нет ни противоречия, ни взаимоисключения. То была реальная национальная политика в рамках коммунистической идеологической концепции национального строительства, «социалистической по содержанию и национальной по форме», в которой «содержательная форма» имела «форменное содержание». Противоречие было не в этом, а в том, что эта идеология провозглашалась, но не осуществлялась на практике, за исключением первых двух десятилетий существования Советской власти, до 1937 г. А после очередного съезда КПСС в 1961 г. партийный курс был взят на формирование советской общности людей. Школа с гагаузским языком обучения в гагаузских селах Молдавской ССР попала под сокрушительную наковальню этого курса.

Но вместе с тем, письменность осталась, на ее основе зародилась гагаузская художественная литература, появилась целая плеяда гагаузских писателей. Гагаузский язык и гагаузская идентичность не преследовались. Сформировалась гагаузская национальная интеллигенция. Кроме писателей и поэтов она включала в себе художников, ученых. То есть в советской действительности 60-80-х гг. прошлого столетия объективно протекали два взаимоисключающих процесса. Один, продиктованный коммунистической практикой Советской власти, призван был разрушить множественность

идентичностей в СССР и создать одну – советский народ. Другой, обусловленный многовековой этнической традицией, консервативной природой этнических идентичностей наций и народностей Советского Союза, все же способствовал их сохранению, пусть и в деформированном состоянии. И согласимся с М. Н. Губогло: именно на стадии советского периода истории гагаузского народа произошли такие этапы его этнической мобилизации в границах МССР, которые он характеризует как «Возгорание – обнадеживание», «Тление – разуверение», «Томление – брожение», «Горение». Тому же периоду принадлежит и начало следующего этапа – «Упоения», который при других политических реалиях мог завершиться не «Насыщением», а «Задушением» этнической мобилизации гагаузов в Молдове. Все это стало возможным благодаря тому, что гагаузская идентичность тогда не подверглась размыванию и эрозии. А, может быть, правильнее сказать, она не допустила своего размывания и своей эрозии. Не борясь с разрушительной этнической идеологией коммунистического руководства СССР, а используя – стихийно, неосознанно – противоречивую ее сущность в границах Советской Молдавии. Не всем, в частности болгарам в СССР, так повезло. И в этом повинна не только коммунистическая практика в Советском Союзе, но и низкий уровень их сопротивляемости ей, слабое проявление их этнической мобилизации. Именно этим обстоятельством следует объяснить большую деэтнизацию болгар в СССР, чем гагаузов.

Как относился И. И. Мещерюк к этой противоречивой этнической политике КПСС и Советского государства? Сама постановка им перед научным и партийно-советским руководством СССР национально-культурных проблем болгар и гагаузов в УССР и МССР дает однозначный ответ на этот вопрос – объективно отрицательно. Но на этот вопрос необходимо ответить также с учетом конкретно-исторических условий, в которых жил и работал ученый. Из его автобиографии видно, что Иван Иванович боролся за Советскую власть. Тем не менее, он был в числе тех, кто от нее пострадал. Мещерюк пишет о том, что «весной 1921 г. был принят кандидатом в члены РКП(б) и выбыл в сентябре того же года по обвинению в коммунистической нестойкости и трусости. Мной тогда была допущена крупная ошибка, так как я не апеллировал к вышестоящим парторганам о восстановлении. Этот факт, то есть исключение, превратился в непреодолимое препятствие для попыток вступления в ряды партии вновь». Одна из них увенчалась успехом только в декабре 1950 г., когда «решением Красноармейского райкома КП Молдавии принят в члены КПСС» (Мещерюк И. И., 1999, с. 8–9, 11). На наш взгляд, И. И. Мещерюк был человеком коммунистических убеждений, а не членом КПСС. Таких было достаточно много. И то обстоятельство, что он был исключен из партии еще в начале 20-х гг. прошлого столетия спасло его от репрессий в конце 30-х.

Как при голоде 1932–1933 гг., так и при голоде 1946–1947 гг., репрессиях осенью 1948 г. болгар и гагаузов на Измаильщине и летом 1949 г. на юге Молдавии беспартийный Мещерюк не несет моральную

ответственность за то, что творило тогда кишиневское и московское партийное и советское руководство. Более того, именно в те годы он поднимает вопрос о гагаузах в средствах массовой информации и в научно-организационном плане. Не все документы того времени введены в научный оборот, и не исключено, повторимся, его влияние на участников бригады ЦК КП (б) Молдавии при составлении ими Докладной записки, о которой говорилось выше. И оценим ситуацию тех лет с высоты сегодняшнего дня. На юге Молдавии, где проживала основная масса болгар и гагаузов республики, в 1946 – 1947 гг. бушевал беспощадный голод, смерть косила людей, в чем в немалой степени было повинно партийное и советское руководство Москвы и Кишинева. И в это самое время беспартийного Мещерюка волнуют этнические и этнокультурные проблемы гагаузов, их историческое прошлое и тревога за их будущее. То есть, страшная реальная действительность 1946 – 1949 гг. не воспринималась им как ведущая к уничтожению гагаузской общности на юге Молдавии и в бывшей Измаильской области Украины. Он оптимистически смотрел на ее будущее, раз публично ставил эти проблемы перед обществом. Но оптимистами были и сами гагаузы, предпринимавшие отчаянные усилия, чтобы выжить и сохраниться как общность. Этот оптимизм должен быть занесен как в актив самого И. И. Мещерюка, так и в актив гагаузского народа.

Следует отметить также, что активная научная деятельность И. И. Мещерюка завершилась во второй половине 60-х гг. прошлого столетия. Тогда разрушительные последствия трансформации мультиэтнического населения Советского Союза в этнически безликую советскую общность еще не были очевидны для его нерусского меньшинства, исключая этнически защищенных от ассимиляции титульных наций, давших название союзным республикам. Эти последние также переживали кризис идентичности, но в их руках находилась политическая власть в республиках, что, как оказалось впоследствии, сыграло решающую роль в быстром восстановлении этнической мобильности многих из них, за исключением, возможно, молдавской идентичности, не имевшей серьезной прививки от разрушительной экспансии со стороны идеологии румынского унионизма.

Здесь основное внимание уделено некоторым, на наш взгляд, ошибочным оценкам научно-общественной деятельности И. И. Мещерюка в 1946 – 1958 гг. со стороны М. Н. Губогло. В основном же, когда автор объективно анализирует имеющиеся в его распоряжении архивные документы, оценка места и роли историка Мещерюка в этнической истории бессарабских гагаузов приобретает иную окраску – прямо противоположную. Таких оценок достаточно много в указанной работе, они разбросаны по многим другим страницам указанной его книги, посвященных исследованию последующих этапов этнической мобилизации гагаузов. Для этнической мобилизации гагаузов «вторая половина 1950-х годов не прошла бесследно. Она стала предтечей тех этнополитических процессов, которым суждено было развернуться через три десятилетия на рубеже 1980 – 90-х годов».

(Губогло М. Н., 2004, с. 163). И еще: *«Вряд ли сам И. И. Мещерюк, хорошо знакомый с политическим климатом конца 1930-х годов, когда он... заведывал учебной частью Украинского педагогического техникума в г. Одессе, не осознавал рискованность своего предложения и вряд ли был абсолютно уверен, что его идея о создании Болгаро-Гагаузской автономии будет серьезно обсуждаться на вершине партийного руководства в ЦК КПСС, в ЦК КП двух союзных республиках и в Одесском обкоме КП»* (Там же, с. 161).

Да, Иван Иванович Мещерюк рисковал. Да, он верил – был убежденным коммунистом – в то, что национально-культурная проблема болгар и гагаузов может быть решена на основе его предложения о Гагаузско-Болгарской Автономной Республики, а ее создание не противоречит марксистско-ленинским декларациям по национальному вопросу. Но дело все-таки не в риске, и не в вере, а в его убежденности, подкрепленной историей бессарабских болгар и гагаузов периода 1819 – 1871 гг., в том, что такое автономное образование в любой форме объективно оправдано и необходимо для их экономического и духовного развития. Совместные же усилия современных гагаузских, молдавских и болгарских политиков и их этнических идеологов были направлены на то, чтобы мечта ученого Ивана Ивановича Мещерюка осталась нереализованной. Но поставлена ли последняя точка в этом вопросе? На этот вопрос ответ даст только история.

Иван Иванович Мещерюк своей научной деятельностью и гражданской позицией внес существенный вклад в изучении истории, культуры и общественной жизни бессарабских гагаузов. Он поставил перед научной общественностью проблему комплексного изучения этногенеза гагаузов, а перед партийными и советскими структурами Москвы, Киева и Кишинева – актуальный вопрос национально-культурного развития болгар и гагаузов. Решение этой проблемы он видел в создании автономно-территориального образования для болгар и гагаузов в рамках МССР, для чего требовал объединить расчлененный в 1940 г. Буджак – Южную Бессарабию. При таком решении бессарабского вопроса после Второй мировой войны, которое предлагал молдавский ученый, совсем иной была бы общественно-политическая ситуация на юге Молдавии в 1988–1989 гг. и совсем иначе сложилась бы судьба этого населения в суверенной Республике Молдова. И совершенно по-иному развивалась бы сама Республика Молдова.

ЛИТЕРАТУРА

Ангели Ф. А. Очерки истории гагаузов – потомков Огузов (середина VIII – начало XXI вв.). К., 2007.

Атанасов Г. Добруджанското деспотство. В. Търново, 2009.

Грек И. Ф. И. И. Мещерюк – исследователь истории и культуры болгар и гагаузов Бессарабии, их научно-общественный деятель-возрожденец середины XX столетия // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и

Украины. Сборник статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещерюка. Кишинев, 1999. С. 20 – 40.

Грек И. Из архива на доцент Иван Иванович Мещерюк // Българите в Северното Причерноморие. Т. 4. В. Търново, 1995. С. 433 – 446.

Грек И. Ф. Иван Иванович Мещерюк в жизни бессарабских гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10. М., 2010. С. 224–229.

Губогло М. Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов (вторая половина XX века). М., 2004.

Губогло М. Н. Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М., 2006.

История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Сборник статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещерюка \ Научный ред. И. Ф. Грек. Кишинев, 1999.

История и культура гагаузов. Очерки. К., 2006.

Каранастас-Радова О. К. Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке (конец XVIII – первая четверть XIX в.). К., 2001.

Матеева В. Гагаузите – още един поглед. София, 2006.

Мещерюк И. Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабии в начале XIX века // Изв. МФ АН СССР. 1953. № 3 – 4. с. 65 – 97.

[Мещерюк И.] Гагаузы // Большая Советская Энциклопедия. Т. 9. М., б. г. С. 609.

Мещерюк И. Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828 – 1834 гг. К., 1965.

Мещерюк И. И. Автобиография // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Сборник статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещерюка. К., 1999. С. 8 – 11.

Мутафова К. Творби и хипотези за гагаузите // Българите в Северното Причерноморие. Т. 2. В. Търново, 1993.

Нягулов Бл. От единение към разграничение: българи и гагаузи в Румънска Бессарабия, 1918 – 1940 гг // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10. М., 2010. С. 156 – 190.